

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XV Международный
съезд славистов

Минск, 2013 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Москва «ИНДРИК» 2013

М. М. Валенцова

СЛОВАЦКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Народные мифологические представления как составная часть традиционной духовной культуры и отражающая их лексика обобщены для ряда славянских традиций в монографиях, словарях и энциклопедиях [напр., Черепанова 1983; Власова 1995; Peřka 1987; Wağanowski 1981; Георгиева 1993 и др.], а также в трудах, исследующих эту тему в общеславянском масштабе [СД; Виноградова 2000; Плотникова 2004 и др.].

Вместе с тем, приходится признать, что в общеславянских исследованиях явно недостаточно освещена словацкая традиция, которая пока не обеспечена ни сводными этнографическими источниками по народной демонологии, ни специальными работами по мифологической лексике. Отчасти данная тематика и лексика содержится в «Энциклопедии народной культуры Словакии» (ELKS) и энциклопедии «Словакия» (Slovensko), которые, однако, носят обобщенный характер, не дают точной локализации приводимых сведений. Между тем словацкая традиция занимает особое место в культуре славян, располагаясь в центральном ареале славянского мира, где встречаются и встречались ранее западно-, восточно- и южнославянские языки и народы [см. Ивић 1957–1958; Бернштейн 2000; Аванесов 1977; Николаев 2008; Вендина 2008 и др.], а в словацком языке, вероятно, гетерогенном по происхождению¹, отражены диалектные особенности

¹ См. различные теории образования словацкого языка и диалектов: [Kraĵčovič 1974: 13–59; Kraĵčovič 1981: 9–18; Nabovštiak 1978]; о теориях И. Поповича, А. Лампрехта, М. Гавацци см. [Куркина 1992: 209].

Марина Михайловна Валенцова,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 12-06-00048-а «Мир и человек в этнолингвистическом словаре „Славянские древности“ (к 90-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого)».

всех трех групп славянских языков. При этом «особенно тесная связь существует между южнославянскими языками и словацким языком, а точнее, одним из его диалектов, который в настоящее время занимает центральное положение, а в средневековье охватывал большую часть современной южной Словакии» [Куркина 1985: 67]. Эта связь является составной частью комплекса изоглосс, объединяющих западно- и южнославянские языки, например, болгарский язык и серболехитскую группу диалектов, словенский и серболужицкий языки [там же: 66].

Большой интерес в этом отношении представляет мифологическая лексика, отражающая архаические представления славян. Одни лексемы этой группы восходят к индоевропейским корням, являются праславянским наследием, другие характеризуют контакты, миграции, территорию расселения этносов. Для мифологической лексики, с одной стороны, релевантны выводы, сделанные для конкретного языка в целом, с другой — она имеет особенности, обусловленные «характером соотношения слова и понятия в демонологической системе», ее «особым семантическим статусом. Имеется в виду необычный характер взаимодействия имени и обозначаемой им „реальности“» [Виноградова 2001: 16].

Представляется перспективным определение лексических и семантических связей словацкой демонологической (как подсистемы мифологической) системы с другими славянскими традициями. Мы опираемся при этом на теоретические положения Н. И. Толстого о существовании, наряду с языковыми, культурных диалектов, являющихся практически «единственным источником для внутренней реконструкции древнейшего состояния славянской духовной культуры», в том числе мифологических представлений и системы демонологических персонажей [Толстой 1995: 46, 47].

Основной пласт словацкой мифологической лексики вообще и названий мифологических персонажей (далее — МП) в частности, которые преимущественно и рассматриваются в докладе, — **общеславянский**. К нему относятся лексемы с корнями **bab-*, **blqd-*, **bog-*, **čar-*, **div-*, **mar-* / *mor-*, **svět-*, **věd-* / **věšt-*, **vьlk-*, **vod-* и др. При этом одни лексемы в целом сохраняют свои общеславянские значения (*upír, mora, vedma*), другие имеют отличные значения, которые характерны, помимо словацких, также для других говоров карпатского ареала (*bohyňa, bohynka, čarnoknižník*) или для всех западнославянских диалектов (*blúdičky, svetielka*). Последние вместе с мифонимами, неизвестными вост.- и ю.-слав. языкам (*rarášek, pikulik, permonik* и др.), формируют группу специфических **западнославянских** названий МП. Как будет показано ниже, большинство

общеславянских мифонимов образуют лексические или семантические изоглоссы, по-разному объединяющие диалектные группы и отдельные славянские языки и диалекты.

Значительное количество словацких мифонимов принадлежит к **карпатской** (или только славяно-карпатской) лексике, то есть является общим для словацкого, карпатоукраинского, южнопольского, моравского (а нередко и для румынского, молдавского и венгерского) языковых ареалов (например, *striga, bosorka, ďug, šarkaň, chmurník* и др.), и часто имеет соответствия в южнославянских языках.

Интересную группу составляют **специфические словацкие** имена МП, не встречающиеся для обозначения персонажей с подобным набором признаков в других славянских традициях (*runa, bahorka, nelapši*).

Рассмотрим эти группы подробнее (ссылки на источники, ввиду экономии места, даются лишь в самых необходимых случаях; надеюсь на понимание неназванных авторов использованных работ).

1. Из проанализированных нами лексем, пожалуй, лишь одна имеет **общеславянские** соответствия как в плане выражения, так и в плане содержания — словац. *čarovnica* ‘колдунья’ (Радава, окр. Н. Замки). Исчерпывающий список лексем в др. славянских языках см. в [ЭССЯ 4: 25]. Отличие касается только форм м. р. в значении ‘колдун’, отсутствующих в словацком и серболужицком (здесь они обозначают ‘растение *Cirsaea alpina*’).

Корень **div-* представлен у всех славян (главным образом, в составных наименованиях и словосложениях). Обозначаемый им образ МП неконкретен, часто сближается с другими МП, характерными для каждой отдельной традиции, например, с *богинкой* у западных и с *виллой* у южных славян [см. СД 2: 92–93]. В словацком *diva žena* (*diva zona*) ‘дикая лесная женщина’ является синонимом как *богинки*, так и *вилы*, это ‘злое существо, живущее в лесу, около воды, в норах в земле, в скалах’; *divak* — также ‘ребенок богинки’ (Замагурье). Наличие целой семьи «диких» МП объединяет словацкую традицию с моравской: *divžena* ‘дикая лесная женщина’, *divžák* ‘муж дикой лесной женщины’, *divúch, divoženče* ‘ребенок дикой лесной женщины, подброшенный ею вместо человеческого’.

Совсем иной персонаж (как и отличный корень **dikъ*, родственный, однако, **divъ* — [ЭССЯ 5: 30, 36]), представлен у восточных славян: бел. *дзікія людзі* ‘одноглазые и большеухие, хвостатые мифические существа, поедающие людей’; рус. *дикарь, дикой, дикенький мужичок* ‘леший’ (сарат.); *дикий* ‘черт’ (костром.), *диконький* ‘нечистый дух, вызывающий паралич’ (вят.). Переходным образом

является укр. карпат. *dika баба*, имеющая некоторые зап.-слав. черты: ‘отличается красотой, обменивает детей и пьет их кровь, соблазняет молодых мужчин’ [СД 2: 93].

Лексемы с корнем **div-* / *dikъ* противопоставляют **восточнославянский ареал западно- и южнославянскому**.

Во всех славянских языках находим лексические и персонажные соответствия словацкой *more / mare: mara, mora, nora, mura, mor, zmor* ‘получеловек-полудемон, ночью в виде животного, предмета или бесформенной тяжести душит и давит, сосет молоко или кровь у спящих’; ‘персонифицированная причина болезней’, ‘материализованная любовная тоска’; ‘душа двоедушника’ (Замагурье); *mora, morka, saimorka, zmora, múra, kajimura, mur, mara, slepá mara* ‘ночная бабочка; кошмар’; *mura, noční mura* ‘бабочка’ (названия в слав. языках см.: [СД 3: 178–179; ЭССЯ 19: 211–214]).

В з.-слав. и ю.-слав. языках равнозначно представлены корни *mor-* и *mar-*, в в.-слав. — преимущественно *mar-*, причем практически нет производных. Лексема с формантом *z: zmor(a)* является **западнославянской изоглоссой** (фиксируется лишь в словацком, чешском, польском). К уже отмеченным исследователями **изоглоссам, связывающим серболужицкий и болгарский языки**, добавим еще одну: н.-луж. *morawa, murawa* ‘мора, нечто наваливающееся и мучающее во сне’, ‘персонификация ночного удушья’ — болг. *марава, мурава* ‘кошмар’, ‘олицетворение болезни’, ‘невидимый ночной дух, наваливающийся и мучающий спящих’ (ср. также [ЭССЯ 19: 214]). Корень **mar-* также широко представлен в германских языках, в румынском и литовском.

В разных славянских традициях этот персонаж конкретизирует и развивает различные аспекты образа. В целом у словаков, поляков, мораван основная функция мары — давить во сне и высасывать кровь и молоко, воплощающие жизненную силу. Аналогичны представления о маре у южных славян. У белорусов, карпатоукраинцев мара приобретает черты ходячего покойника. В с.-з.-рус. и ю.-рус. диалектах мара трансформируется в страшное существо, обитающее в доме, в *кикимору*.

Отметим также для данной лексемы значение ‘бабочка’ (в мифологии бабочка соотносится с душой), фиксируемое в словацком, чешском, польском и южнославянских языках и отсутствующее, видимо, у восточных славян, где мара перешла в разряд домовых духов.

Словацкая *mara / mora* имеет разнообразные этнолингвистические параллели, из которых укажем лишь на одну: мотив внутренних органов (*mora* оставляет внутренности, кишки перед дверью, когда входит в дом через замочную скважину) сближает словацкую

традицию с белорусской (*мара* без кожи, поэтому у нее видны все внутренние органы — [БелМ: 303]). Для данного МП можно говорить о семантической противопоставленности восточнославянского ареала западно- и южнославянскому.

Функционально сходный с *морой* персонаж — *ночница* 'МП, высасывающий у новорожденного ребенка из груди молоко'; 'мора, ночное удушье'; 'ночная бабочка'; *ночница, полночница* 'персонаж, который мешает ребенку спать' (Кисуце, Гемер); *ночница* 'существо, которое наваливается и сосет человека по ночам' (Верхний Спиш); *ночница, ноцница* 'ночная бабочка' (окр. Кошице, в.-словац.).

В различных значениях лексема (в том числе с формантом *пол-* / *полу-*) известна многим славянским языкам, напр.: карп.-укр. *ночница* 'ночная бабочка', гуцул. *нічниця* 'МП, вызывающий бессонницу; ночные видения'; 'злой дух, который сосет детей и молочных женщин'; бел. *начніца, начніцы* 'персонификация детской болезни', 'проклятая душа бездетной женщины'; рус. *ночница, ночная* 'бессонница; детская болезнь и ее персонификация'; *полуночница, полуночь, полуночник* 'духи полуночи; болезнь и ее персонификация'; серб. *ноћница* 'ночной демон, проникающий в дом, где горит свет', бьет детей (с.-з. Босния), сосет грудь у детей (Левач — Шумадия) и взрослых; с.-х. *ночница* 'ночная бабочка'; словен. *počnice, počnica* или *tračnina* 'МП, отнимающий у ребенка сон' (о ночнице см. подробнее [СД 3: 436–437]).

Лексема *ночница* объединяет Словакию с восточнославянским, с одной стороны, и словенским и сербохорватским, с другой, диалектными ареалами и противопоставляет западнославянскому ареалу (ср. отличные лексически и семантически: морав. *nosula* 'страшилище, которым пугают детей, гуляющих ночью'; чеш. *noční poluda* 'злой дух', 'полуночный полевой дух'; н.-луж. *nosnice*, pl. 'ночное блуждание больных горячкой'; пол. *nosnica* 'блуждающие ночные огоньки').

Конкретная параллель в способе защиты от *ночницы* составляет словацко-белорусскую изолоксу: «Для защиты от ночниц бабки делали из тряпочек узелки, которые днем клали под одеялко, а на ночь — за окно избы — тогда ночницы сосут узелки, а не ребенка» (словац., [Dobšinský 1880: 115]). Для избавления детей от ночниц делали из грязных тряпок несколько кукол и выставляли их в окнах со словами: «Глядзице, лялечкі, каб мой маленькі спаў» [БелМ: 340].

Термины с корнем *vešt-* также показывают в разных славянских языках диалектные культурные различия.

В словацком *veštica* 'знахарка, ведьма' (Орава); 'гадалка, колдунья, вещунья' (Липтов, Турец); также мужской персонаж: *veštec*

'знахарь, предсказатель, целитель'; *veštík (-šč-)* 'знахарь', в.-словац. *veščec, veščuch. Veštec* и *veštica* могли как снять, так и навести порчу (*odrobiť* и *porobiť*) (Орава). Дети, которые рождаются «в чепце» или с зубами, — *vešci* — могут находить клады (Зволен, Теков).

Общеславянское «этимологическое» значение, известное всем славянским диалектам и отраженное в старославянском — 'ведунья, пророчица, знахарка', — видимо, является первоначальным. Отрицательные коннотации персонажа преобладают на периферии славянского ареала: в сев. Польше и особенно у кашубов — превращение вештицы в 'вампира': пол. *wieszczy* — устар. 'ведьмак', *wieszczek, wieszczka* 'упырь', 'упырица', кашуб. *vešba* 'вещий ребенок, родившийся в рубашке, или с зубами, из которого вырастает вампир' и др. У южных славян это 'ведьма', образ которой сближается с *морой*, вампиром: *veštica* 'ведьма, превращающаяся в летучую мышь или черную птицу и поедающая ночью сердца детей и молодых людей, после чего они умирают'; словен. *vešča, veša* 'ведьма'; болг. *вещица, вешерица* 'ведьма, душа которой во время сна улетает пить кровь детей и домашних животных'. У мораван произошло смещение значения: *veščica, veštka* 'дикая женка'. У русского населения Урала и южной Сибири *вещица* — 'ведьма, оборотень, поедающая младенцев, которых забирает из чрева беременной женщины' (сиб., перм.).

Считается, что наиболее архаичные и «размытые», неявные черты свойственны центру ареала [Трубачев 1985: 8], в то время как с распространением явления возникают инновационные значения и изменение исходной семантики. Можно предположить, что такой центр (скорее, пояс) находился в пределах лужицко-словацко-карпатоукраинской территории, захватывающей западные белорусские области (здесь отмечены только положительные коннотации — 'знахарка', 'пророчица, ворожея'). В пользу такого мнения говорит и отсутствие у терминов этого ареала значения 'ночная бабочка', которое бы указывало на ведьмарскую природу персонажа. В то же время на славянском Юге значение 'бабочка' и соответствующие поверья представлены широко, ср.: с.-х. диал. *vjěštica, višćica*, словен. *vešča, veščeka, veščec*, болг. *вещица* 'ночная бабочка'. Представлены «энтомологические» значения рассматриваемого корня также на русской территории: забайк. *ведишь* 'слепень' [Словарь семейских: 70], дон. *ведьма* 'насекомое стрекоза', 'разновидность саранчи' [Сердюкова 2005: 40].

Словац. *vlakolák, vlkodlak, vilkolák* 'человек, способный превращаться в волка'; 'получеловек-полуволок, вредящий людям и домашним животным'; *vrkolák* (Гемер, Малогонт); *vlko(d)lák* 'душа ведьмы или ведьмака', 'душа умершего, которого вынесли головой вперед'

соотносится с представлениями о человеке-оборотне в других славянских традициях (а также в литовской, немецкой, румынской и др.). Значение 'человеко-волк, оборотень' фиксируется во всех славянских языках, но в западно- и восточнославянских языках, а также в словенском оно преобладающее, а в сербском и болгарском — маргинальное, в то время как основным здесь стало значение 'вампир' (подробнее см. [СД 1: 418–420]).

Некоторые сюжеты словацких быличек о волколаках соотносимы с сюжетами, представленными в украинских, белорусских и польских традициях, напр., о застрявшей в зубах у мужа нитке от юбки жены. Прослеживаются также мотивы поверий, связывающие волколака с фазами луны, с солнцем, а также с душой колдуна и с вампиром.

По словацким данным, волколаком мог стать человек, рожденный от связи женщины с вампиром (*upírom*); ребенок волколака и ведьмы становился вампиром; чаще всего волколак превращается в волка во время летнего и зимнего солнцеворота [ELKS-2: 309]. Душа ведьмы (ведьмака) «возвращается в дом... ходит душить и давить молодых женщин... Превращаясь в волка, она душист овец, но не ест их» [Dobšinský 1880: 116–117]. Специфическая зависимость превращения человека в волка от полнолуния представляется отголоском древней связи «волк — Луна», хорошо представленной, например, в карпатоукраинской традиции. Согласно гуцульской легенде, некоторые люди превращались в волка в момент, когда нарождается новый месяц; эвфемистическое название *вовкуна* — *micíчник*, основное значение которого — 'лунатик', 'человек, меняющий свой пол под воздействием месяца' [Хобзей 2002: 72–73]. Ср. подобные рассказы на Ораве: *vlkoláci* — это такие люди, как лунатики (*namesačnici*), которые в полнолуние превращались в волков (Бобров, окр. Наместо). Мотив поедания месяца, отмеченный в гуцульской традиции [Хобзей 2002: 77], находит соответствие в румынских (*вырколак* — см. [Свешникова 1979: 212–215]) и южнославянских (болг. и серб.) поверьях, объясняющих лунное и солнечное затмения тем, что *врколак* съел или проглотил месяц или солнце.

Весь комплекс «астрономических» мотивов, связанных с волколаком, следует отнести к карпато-южнославянским (у южных славян эти мотивы более частотны и разработаны более подробно, а у румын отличаются значительными смысловыми девиациями — по сравнению с южнославянскими верованиями).

К западнославянско-русским изоглоссам можно отнести мифоним *poludnica* 'антропоморфный МП, появляющийся в полдень, следящий за соблюдением запрета работать в полдень', известный,

согласно Мошиньскому, почти всем западным славянам, кроме кашубов и мазуров, а также ряду русских традиций. Маргинально термин отмечен у словенцев: «*polednica* — женщина, которая приходила в полдень за ребенком» [Kroprej 2008: 327], что также следует отметить как западнославянско-словенскую изоглоссу. Функция словенской полудницы красть и подменивать детей хорошо представлена в среднесловацкой локальной традиции (Верхнее Погронье). (Подробнее о полуднице см. [СД 4: 154–155].)

Указанные изоглоссы и изопрагмы согласуются с выводами Л. В. Куркиной, сделанными при изучении северо-западной группы южнославянских диалектов: «В общей части словаря северо-западного ареала заметное место занимают лексемы с ограниченными сепаратными связями с диалектами чешско-словацкой области, частично изоглоссы этого типа захватывают отдельные лехитские и серболужицкие диалекты» [Куркина 1985: 69].

2. К группе западнославянских лексем отнесены мифонимы, не известные восточно- и южнославянским языкам; в нее вошли как славянские, так и заимствованные, в основном из немецкого языка, корни.

Изучением терминов, восходящих к **rarogъ* (напр., словац. *rároh* 'князь злых духов', др.-чеш. *raroch* 'огромная птица с огненными искрами'; чеш. диал. *rarach* 'летающий огненный демон', морав. *rarach* 'огненный летающий столб', 'чертик', пол. *raróg* 'птица', 'чудовище, чудо, чертенок' и укр. *papig* 'то же'), занимались В. Махек и О. Н. Трубочев [Трубочев 1967: 64–71, там ссылки на лит.], доказавшие его иранское происхождение.

С лексемой *rarog / rarach* связывают и словац. *rarášek, rarášok* 'злой и хитрый, но дающий счастье демон'; *rarášek, rarách* 'злой дух, черт, партнер ведьмы', он появляется в виде огненной цепи, огненного змея или шара и влетает через трубу в дом ведьмы для сексуального общения, при этом дает ей сверхъестественную силу и приносит деньги. Также 'персонифицированная злая сущность ведьмы', иногда 'сама ведьма, летающая над селом'. В ряде рассказов смешивается с персонажем *змок* (Белые Карпаты, зап.-словац. — [Vužeková 2009: 37–38, 40]).

В чеш. и морав. значения лексемы *rarášek* связаны с семами 'вихрь, ветер', 'птица', 'домашний дух' (напр., *rarášek, rarášik* 'домашний божок'; *randášek* 'чертик'; др.-чеш. 'дух, вызывающий вихрь', 'дьявол', *rarášek, rarášik, rarach* 'др.-слав. бог, создающий ветер', 'божок счастья и несчастья', 'злой дух', *jerášek* 'povětroň' (Всацко, морав.) и др.). Ср. также единичные словенские лексемы: *rarašek* (зап. Паннония — [Machek 2010: 508]); *rarášek* 'дух ветра, вихря (= veter,

veternik), слуга бабы Пехтры, у которого в бочке заперты ветры' [Kropej 2008: 327].

Маргинальность представлений о *paraške* у словенцев и смешение с другими контекстами позволяют говорить о его заимствовании от западных славян, что подтверждает мнение О. Н. Трубачева: «Западнославянское *rarogъ* было, бесспорно, одним из таких элементов, никогда не известным прочим славянам, и мы трактуем его как праслав. диал. **rarogъ*» [Трубачев 1967: 66].

Словац. *škriatok* 'дух-обогатитель, выведенный из яйца, выношенного 9 дней под мышкой'. Представляется днем в виде мокрого цыпленка, а ночью — в виде огненной цепи, влетающей в трубу дома. Приносит богатство, за что хозяин должен давать ему еды от каждого блюда или подписать кровью договор, в котором пообещает отдать ему свою душу или душу своего будущего ребенка. Называют его также *zmok* (Бошацка долина, зап.-словац.); *škrat* 'чертик', *škrata* 'домашний божок; страшилище', *škratek* 'чертик; домашний божок'.

Чешские поверья о духе-обогатителе *skřítek* практически идентичны словацким. Аналогичные в основе своей польские поверья демонстрируют большее развитие и обогащение образа, сохраняя основные идентифицирующие признаки: это дух-обогатитель; который приносит материальные блага в обмен на душу; выведен из яйца; днем — невзрачная курица / цыпленок (или др. птица), ночью — огненный летающий змей; от него трудно или невозможно избавиться. Однако более определенно здесь эксплицировано происхождение персонажа из душ заложных покойников; вместо ипостаси огненного змея, прилетающего по ночам, появляется «*plonąca drapaka* — птица с большим огненным хвостом» [Pełka 1987: 142] (ср. жар-птицу из русских сказок). Пол. *skrzat* 'домашний дух-охранитель', *ziemscy skrytkowie* (форма XVI в.), *skrzaty*, *skrzaki* (великопол.), *skrzaciki* (силез.), *skrzek*, *skrzak* (хелм.) — 'духи, приносящие людям зерно и деньги'. В Вармии и Мазурах очень распространена версия о нахождении *skwiatka* после дождя в виде черной мокрой курицы; если его высушить и накормить, он начинает носить хозяевам богатство — сюжет, идентичный словацкому.

Словенский персонаж *škratec*, *škrat*, *škret*, *škratelj*, *škrabec* и под. [Kropej 2008: 331], несмотря на похожее имя, значительно отличается от западославянских МП, имея, вместе с тем, отдельные частные совпадения с ним (напр., ипостась огненной цепи).

Внелингвистический материал дает нам основания видеть в названиях типа *škriatok* и т. п. производные от глагола: словац. *kryť* 'покрывать, укрывать, скрывать, хранить', чеш. *kryti* 'скрывать, прятать,

хранить, покрывать' [ЭССЯ 13: 71]. Показательно с точки зрения реализации этих значений поверье, записанное Ф. Бартошем, что *skřítek* — это чертик, который скрывается от грома (молнии) и прячется у человека под мышкой: *skřítek, ten čertík, před hromem sa kryje a kryje, a fuk člověkovi pod pažu, a hrom ho zabije* [Зайцева 1975: 107].

Для западославянских языков характерны и общие заимствования мифонимов из немецкого: *väserman*, *hastrman*, *permonik*, *fras*, *pikulík*.

3. К **карпатской** лексике в словацкой мифологической системе принадлежат: *striga*, *bosorka*, *šarkan*, *dug*, *dvojušnica*, *dva duchy* (*dva srdcia*) *mať*, *čiernokňazník*, *chmarník* и др. Специфические карпатские черты характеризуют также и верования, связанные с этими персонажами.

Лексема *striga* (< лат. *strīx*, *-gis* < греч. στρίγγυλα, др.-гр. στρί(γ)ξ [Клепикова 1994: 94–95]) распространена в едином ареале, включающем Словакию, восточную Моравию, южную Польшу, единично встречается в северной Венгрии (диал. *sztriga* 'boszorkány' — [Vážný 1955: 89]), практически повсеместно — в Румынии и Молдавии, далее в Словении, Хорватии, Черногории [см. Плотникова 2004: 220–221, 646–650]. В карпатоукраинском слово фиксируется спорадически и с отдаленной от основного значения семантикой. Лексема образует, таким образом, карпато-южнославянскую изоглоссу. (Подробнее см. [Валенцова 2012].)

Корень *bosor-* (< венг. *boszorkány*, первоначально 'дух умершего, привидение', потом 'ведьма' и под., далее из тюрк. **basyrkan* 'мора', от *bas-* 'давить' — [Machek 2010: 61]) широко распространен во всех диалектах, но в среднесловацких областях ощущается как литературное: *bosorka* 'ведьма', 'злая женщина', *bosorka*, *bosurka* 'колдунья' (зап.-словац.); 'некоторые виды ночной бабочки' (новоград., ю.-з.-словац., ю.-земпл.); редк. 'большая жаба' (окр. Поважска Быстрица); 'вихрь, водоворот' (зап.-словац.). Также широко распространены лексемы муж. рода: *bosorák*, *bosorkáň*, *bosor*, *bosor(k)oš*, *bosurkoš* 'колдун', 'ведьмак', *bosorák*, *bosorkáň* 'ночной мотыль или бабочка темного цвета' (ю.-з.-словац.), *bosorča*, *bosurče* 'ребенок босорки' (вост.-словац.); *bosorča* 'ребенок, которого по отлучении от материнской груди вновь стали кормить грудью' (Детва, ср.-словац.). (Подробнее о босорке см. [СД 1: 241–242].)

В чеш. признается заимствованием из словацкого: *bosorka*, *bosorkyně*, *bosořice* — нар. 'ведьма'. В морав. *bosorka*, *bosora* 'дикая женка, злая колдунья', *bosorák* 'злой колдун', 'человек, который засиживается долго ночью'; *bosorča* 'ребенок босорки, подброшенный

ею в колыбель'. Пол. *buosorka, bašorka, basorka, bašorkyňa; bisurkania* 'ведьма' (саноц.-кросн.).

Большое количество вариантов представлено в украинском и особенно в карпатоукраинском: *босорка, босорканя* 'ведьма', 'жаба'; *босирка, бісурка(ня), борсуканя, босурганя, пошурканя* 'знахарка, ведьма', *босорканя* 'ночной мотылек', 'жаба'; *босоркун* 'упырь', *босоркун* 'колдун, оборотень; ведьмак'; *босорак, босорош*, карп.-укр. *bosorkán'a* 'ведьма, колдунья', 'стрекоза (детск.)', *bosorkún* 'колдун, ведьмак' и т. д.

Единично словен. *bosaruna* 'ведьма' [Kropej 2008: 315].

Ареал терминов с корнем *bosor-*, включая венг. *boszorka*, румын. *bosorcaic*, дает основание говорить о них как о типичных карпатских мифонимах.

Двоедушник в целом — карпатский персонаж, известный в западноукраинской, словацкой и польской традициях, хотя представления о двоедушничестве известны также в полесской, белорусской и южнославянских традициях (подробнее см. [СД 2: 29–31]).

По словацким верованиям, *двоедушники* (*стрига, босорка, мора, вампир, волколак*) — демонические воплощения людей, у которых от рождения две души. Такой полудемон давит по ночам спящих, пьет их кровь, портит скот, высасывает у коров молоко и кровь, вызывает падёж скота и мор в селе (вост.-словац., ср.-словац.). В Замагурье двоедушниками признаются пастухи, ведьмы, знахари. У словаков, как и у поляков, представления о двоедушниках терминологически не оформились, чаще всего используется словосочетание «человек с двумя сердцами, с двумя душами»: *dve srdcia* (окр. Собранце, Снина, Михаловце; окр. Б. Быстрица, Верхнее Погронье), *dvoje srcov má* (Орава), *dva duchy ma'* (окр. Собранце, окр. Стара Любовня, вост.-словац.); *má dvoch duchov* (окр. Чадца, зап.-словац.). Единичны фиксации терминов *dvojdušnik* и *dvojdušnica* (окр. Дольный Кубин на Ораве) 'демоническое существо, которое давит по ночам' [SSN 1: 418], *dvojdušnicä* 'двоедушница, то есть ведьма, или мора' (Ревисне, Орава — [Nabovštiak 2006: 274–275]). Поверья о двоедушниках широко распространены в Словакии, в том числе вне связи с термином.

В области поверий общекарпатским с балканскими параллелями можно считать образ «облакопрогонника», воздушного демона, управляющего тучами, дождем, градом, бурей. Общими для карпатского региона лексемами, обозначающими этот МП, являются: *чернокнижник, планетник, хмарник (хмурник)*.

Словац. *čiernokňazník* (*čarnokňazník, černoknižník, černokřižník* (с черным крестом через нос — обл. Кисуц и Тренчина), называемый

также *chmurnik, chmarnik, planetnik, veternik* (Замагурье, Спиш), — 'демонологический персонаж, который управляет природными стихиями'; 'ведьмак-предсказатель'. Известен преимущественно в горных районах: на Ораве, Верхнем Погронье, Горном Спише и в области Белых Карпат, знаком он также жителям ср.-словац. областей Гемер и Малогонт. В чешском термин имеет другую семантику: *černokněžník m., černokněžnice f.* — 'мифический персонаж, совершающий злую магию', 'чародей', 'колдун'; перен. 'священник'.

Близкое к словацкому значение имеет термин в гуцульских говорах: *чорнокнижник* 'человек, который отводит грозовые тучи, град'. В говорах галицких лемков *чорнокнижник* град спускает, тучи разгоняет.

Значение 'облакопрогонник' находим далее в польском: *czernokniżniki* 'люди, которые с земли отвращали тучи от своего села специальными заклятьями'; *planetniki* — это *чернокнижники*, которые происходят из душ висельников. А значение 'злой колдун, читающий по черным книгам' продолжается в Полесье: «*чорнокнижник, чародейнык, волиэбник* — то зло делают» (брест.); *чэрнокнижники* 'колдуны' (гомел.), *чернокнижник* лечит или насыляет болезнь (брест.).

Словацким лексемам *chmurnik, chmarnik* 'чернокнижник' (Замагурье, Спиш), *chmarňik, hmurňik* 'высокий мужчина в длинном, изорванном молниями плаще, летающий на трехголовом драконе (*smok*), живущем в тучах' (Замагурье) соответствуют укр. карпат. *хмарник* 'облакопрогонник, который при приближении градовой тучи способен бороться со злыми духами, не допуская град на сельские угодья'; русин. *гонихмарник* 'злой дух', пол. *chmarniki, chmurniki* 'демоны, разносящие тучи с градом по свету', *chmurniki* 'духи, которые живут в тучах — духи некрещеных детей, заложных покойников'. В целом термин также характеризует славяно-карпатский ареал.

Еще одно название чернокнижника — *planetnik* (Замагурье, Спиш); *planetňik* 'высокий мужчина в длинном рваном плаще, летающий на трехголовом *smoke*' (Замагурье). Анализ лексемы с корнем *planet-* в белорусско-польско-украинском ареале показывает, что мотивирующим для названия персонажа было значение 'туча', ср.: бел. *плагета*, 'туча, облачность', укр.-зап.-волын. *планіта* 'большая грозовая туча', пол. *plametnik* 'черная туча, передвигающаяся по небу', пол. диал. *planeta* 'перелетная туча', др.-пол. *planeta* 'туча, облако'. Эта лексическая связь отражается в верованиях: *Планетником* становится человек, при рождении которого над домом стояла большая туча (*taka chmara, taka planeta*) (ю.-в.-пол.).

Семантический параллелизм наблюдается между словацким представлением о том, что над каждым краем в тучах живет один

«планетник» (Замагурье), польским — о том, что в каждом селе некогда было несколько «планетников», защищавших село от непогоды, и южнославянским поверьем о том, что в каждом селе есть свой защитник от града, *змай*.

Словац. *šarkan* (< венг. *sárkány*) — «мифическое существо, приносящее бурю с громом», «крылатый дракон»; «домовой» (Б. Быстрица); «летающий змей, олицетворение бури», *šiarkan preletel* «о буре с громом»; *šarkaň* «домовой» (в.-словац.); нар.-этимол. *žiarkaň* «сказочный дракон» и «домовой».

О polegшей пшенице говорили, что ее змей хвостом прибил (*šarkan chvostom ušluhau*) (Орава). В Липтове верили, что от *hada-šarkana* все вымерзает. У *шаркана* широкий сильный хвост, которым он ломает верхушки деревьев (Верхнее Погронье). В буре, сопровождаемой вихрем, летит *шаркан*, который голос колоколов считает лаем псов и от страха улетает в другую сторону (Гемер, Малогонт). Ср. венг.: *шаркань* «буря», «туча», «трехголовый дракон, который бьет хвостом по земле и уничтожает посевы»; *пролетел шаркань* «о буре».

У мораван лексема отсутствует, но когда бушует вихрь, говорят, что это *чернокнижник* выпустил откуда-то дракона (р-н Рожнова-под-Радгоштем, валаш.). Чеш. *šarkan* «мифический дракон» определяется как заимствование из словацкого.

Мифоним и связанные с ним поверья известны и в карпат.-укр.: *шаркань* «12-головая змея, извергающая огонь из пасти», закарпат. *шаркань* «летающий змей, поедаящий солнце, которое от этого уменьшается», лемк. *шаркан* «сильный ветер, буря». Некоторые из украинских поверий аналогичны словацким, другие находят соответствия в болгарских (банатских) верованиях.

К семантическим карпатизмам относятся также лексем, образованные от о.-слав. корня *bog-* / *bož-*: словац. *boh* «целитель, ведун» (Кисуце); *zemský boh* «знахарь, ведун, целитель» (Мыява); *bohyňa* (*bohiňa, bogiňa*) «знахарка, целительница, гадалка; добрая ведьма» (зап.- и вост.-словац.); *božica* «колдунья»; *bohiňa* «богинка, или дикая женка, которая похищает и обменивает на своих уродцев человеческих детей» (Липтов, ср.-словац.); *bohiňa* «бабочка» (зап.-словац.); *bohynka* (*bohinka, boginka*) «лесная женка, опасная для рожениц, крадущая человеческих детей» (Орава, Спиш, Замагурье); *bohinka* (*boginka*) «ведьма, двоедушница, отбирающая молоко у коров, давящая ночью спящих людей» (Орава, ср.-словац.); *bohiňár* «муж богинки» (Орава, Спиш); *bohiň* «ребенок богинки» (Орава), *bohynča, bohiňča* «уродливый ребенок богинки» (Орава), «ребенок, которого украли и воспитали богинки» (Верхнее Погронье); *boginče* «подменьш, ребенок богинки» (Замагурье); *buožik, buožiček domovu* «домашний дух».

Наиболее близкими к словацкой оказываются моравская, украинско-карпатская и южнопольская традиции, где фиксируются лексем, совпадающие по внешней и/или внутренней форме: морав. *boh, bůh* «колдун-заклинатель», *božec, božek, bůžek* «добрый колдун», *bohoy* «тот, кто заговаривает болезни», *bohyně* «знахарка», *bohyňár* «знахарь»; *bohynnik* «колдун, предсказатель», *božice* «гадалка», морав. валаш. *božec* «прорицатель, вещун»; «целитель». В карпатоукраинском ареале: гуцул., бойк. *бог земний* (*земл'иний, земний*), *земск'і боги*, рл. «человек, владеющий особым даром», «колдун, знахарь, предсказатель» и под. Спорадически в гуцул. и бойк. говорах — *боги* «гадалки, знахари», а в гуцул. и покут. — *божок*; укр. *біг, бог* «лесной бог», «знахарь», *богиня* «русалка», укр. *богині, bohynia* «богинка» [Хобзей 2002: 105]. Отчасти в пол.: *boginki* (краков., пинчов.), *bogienki, bogunki, boginie* (хенчин.), *ubogini, ubogenka*, гор. (великопол.) *ubyhyna* «ведьма». (О богинке см.: [СД-1: 215–217].)

Обзор мифонимов позволяет считать термины *bohyňa / bohynka* и производные в значениях «богинка, лесная женка» и «знахарка, колдунья» (вместе с соответствующими МП муж. и ср. рода) славяно-карпатскими. Особо следует отметить совпадение частного значения «гадалка» в западнославянских и словенском языках.

4. Собственно словацкие мифонимы составляют немногочисленную группу лексем, неизвестных другим славянским традициям. При этом специфическим может быть имя и сам МП (*runa, grgalica*), или только имя, в то время как персонаж узнаваем (*slnečnica, nelapši*) или типологически сходен с инославянскими МП (словац. *Šivrnica*): *Futkač* «МП, который давит крепко спящего человека» (Ръчница, окр. Чадца — [АТ ŪEt, inv. č. 578B]).

Molek «водяной» [ČL I 1892: 52] (возможно, < нем. Mole f. «яйцо без зародыша», «уродец, недоносок»).

Nelapši «двоедушник, вампир» (Петровце, окр. Собранце, вост.-словац.). Сосет кровь у скота; вызывает мор скота (В. Рыбница, окр. Собранце). Чтобы его обезвредить, знахари «заклинали» его на могиле; во время борьбы появлялся пламень, синий (побеждает знахарь) или красный (берет верх вампир) — тогда в могилу начинали бить кольями, пока пламень не разольется черной смолой, что означало смерть вампира [АТ ŪEt, inv. č. 50].

Pondel(ni)ča — «Понедельничка», МП, наказывающий за нарушение запрета на домашние женские работы в понедельник. Известны былички о ее появлении перед пряжущими женщинами, после которого все пряжи заболели (окр. Брезно, Верхнее Погронье). Э. Горватова предполагала, что первоначально персонаж был связан

с запретом печь хлеб в понедельник утром. Ср. укр. обычай замужних женщин не работать по понедельникам (*понеділкуванне*).

Štvrť(n)ica «Четвергиня», МП, следящий за выполнением запрета пряхь в четверг». Появляясь перед пряхой, приговаривала: *Ja som štvrťok-nieštvrťok, ja nepradiem vo štvrťok* [Я четверг-нечетверг, я не пряду в четверг] [Horváthová 1986: 47; ELKS-2: 62, 1: 371]. Также *štvrťočná vila* (Кисуце). Ср. в Полесье персонификацию пятницы (день, когда запрещалось пряхь) в виде св. *Пятниці* и среды (когда не сновали) в образе св. *Среды*.

Slničnica «существо, которое в полдень ходит по полям, и если найдет кого-нибудь спящим, уколует в ухо или горло, отчего они воспалятся» (Гемер, Малогонт — [Gemer-Malohont: 373]); «лицетворение летнего солнца», ср. *slničnica ho opálila* [солнечница его обожгла] [Dobšinský 1880: 116]. Персонаж может быть отождествлен с *полудницею*.

Samorac «одно из названий *ночниці*» (Нижна Слана); давит по ночам, иногда его видели в виде большой мухи (Гемер, Малогонт — [Gemer-Malohont: 371]).

Umornica «душа умерших колдунов, которая возвращалась домой и давила, мучила своих близких, пока не *уморит* насмерть» (Викартовце, окр. Попрад, Спиш — [Michálek 1989: 283]).

Bahorka «женский МП, сходный с *полудницею* и *руной*: старая женщина с длинными растрепанными волосами» (Верхнее Погроное — [Nohrehronie: 336]). Образ нечеткий, термин локально ограничен. Вероятно, имя связано с корнями **baharь, bahora, *bajati* (словац. *báchorka* «побасенка, выдумка»). Ср. укр. *баxorити* «ворожить, гадать», рус. диал. *бахора* «тот, кто хвастается, бахвалится; знахарь, знахарка», с.-х. *бэхорица* «колдунья, знахарка», словен. *bahoriti* «колдовать» [ЭССЯ 1: 135–136]. Учитывая наличие ряда изоглосс между словацким и словенским языками, можно предположить для *bahorka* словацкое словообразование на основе словенского глагола *bahoriti*.

Grgalica «лесная женка». Ее представляли в виде огромной женщины с черными ногами, большими руками, с растрепанными волосами и огромными грудями, перекинутыми через плечи. Она пихала их пойманному человеку в рот, пока не задушит. Ее присутствие означало протяжным гиканьем (окр. Зволен, ср.-словац.). Жила в горах, и люди слышали только ее гиканье (окр. Б. Быстрицы, ср.-словац.) [ELKS-1: 155]. *Grgolica* «злая вила, завлекающая людей в болота» [Kálal].

Слово может быть соотнесено по звуковой характеристике МП с **gьrgati*: словен. *grgati* «клокотать», «ворковать»; бел. диал. *гьргачь* «кричать, гоготать», рус. диал. *гьргать* «стучать» (волог.), *гаркать*

«бить» (арх.), *гьргать* «стучать, греметь; урчать» (волог.), *гыргать* «стучать» (волог.), «напевать, разговаривать с самим собой» (перм.) [ЭССЯ 7: 208]. Такая этимология возможна, учитывая наличие словацко-белорусско-севернорусских изоглосс, в том числе в мифологической лексике.

Runa, zemná pani (Спиш, Верхнее Погроное, Липтов, Гемер) «мощная женщина с длинными золотыми волосами и большими грудями, которая жила под землей с мужем и множеством детей»; либо «златовласая женщина в белой одежде и с золотым ключом, у которой было много детей»; в Липтове — «лесной демон, поросший шерстью». *Руна* владела всеми подземными богатствами, но клад показывала только тому, кто ей обещал отдать своего ребенка. Иногда крада человеческих детей. Согласно быличкам, *руна* крада пищу у шахтеров и лесорубов [ELKS-2: 131; Gemer-Malohont: 371–372]. Это тип «дикой женки» (*divej ženy*) с длинными грудями, закинутыми за спину, которая крада у мужчин еду, а у рожениц детей; жила под землей; иногда людям удавалось ее поймать (Горный Спиш — [Horváthová 1972: 500]).

Возможно объяснение имени на основе лексемы *rúna*: морав. «межа между виноградниками», словац. *rúna*, мор.-словац. *odrunek* «одна сторона межа (руны)» из нем. *Rune (Rinne)* [Machek 2010: 525]; *run, run(a)* (< нем.) «борозда, дорожка в виноградниках» [Kálal]. Это семантически не противоречит значению образа *руны* как *хозяйки земных богатств*. Ср. аналогичное развитие: рус. «черт» < *межа* < *черта* с семантической аналогией: фин. *piiru* «линия, черта, граница» — *piru* «черт» [ЭССЯ 4: 165–166].

С другой стороны, в образе *руны* особо подчеркивается многодетность, похищение ею детей, отсылающие к характерной для многих женских МП гипертрофированной сексуальной энергии, вожделению. В этом смысле можно сопоставить имя *runa* с морав. *rúňat sa: roby sa rúňajú* = бегают за мужчинами (Бродско) [Bartoš 1903–1906: 368]. *Rúňat sa* связано с др.-чеш. *řijě* и *řuje* «гон у оленей (осенью)», первонач. *řuja* от *řvati* «реветь, кричать»; олений гон сопровождается ревом. От корня *řu-* образовано *řuja*, откуда далее *řuj-ьнь*, вал. *řujny*, ляш. *řujny*, морав.-словац. *rúňat sa* [Machek 2010: 532].

В докладе рассмотрен лишь небольшой фрагмент словацкой демонологии в связи с анализом избранных мифонимов. Вместе с тем, он дает представление о системе МП и мифологических верованиях словаков в целом, характеризует тип данного культурного диалекта.

В этом диалекте отражено большинство древних мифологем и праславянских корней, обозначающих МП и их функции. Одни из

них известны всем или большинству славянских языков и диалектов (*čarovnica, smok, upír, mora*), другие противопоставляют западнославянский ареал восточно- и южнославянскому (*škriatok, lútky, tamuna*), третьи — западно- и восточнославянский ареал — южнославянскому (*kúzliť, perún, ježibaba, čert*) и т. д. Ареалы, очерчиваемые мифологическими изоглоссами и изодоками, не всегда совпадают с современными языковыми границами, что дает возможность говорить о промежуточных стадиях славянского глоттогенеза. Ряд частных, но диагностических особенностей мифологической лексики связывает словацкую демонологическую систему с серболужицкой и белорусской (*mara, počnica, veštica*), некоторые из изоглосс имеют продолжение в севернорусских и сибирских диалектах русского языка. Часть изоглосс (*zmiňa, poludnica, škrat, striga, vedomec*) и изопрагм (словац. *moria noha* — словен. *morino taco*; словац. *biely had* — словен. *bela kača*) связывает западно- и среднесловацкие диалекты со словенскими, а некоторые из них — далее — с хорватскими и сербскими диалектами.

Чаще всего для рассматриваемой лексики изоглоссы сопровождаются изодоками, то есть при общем (сходном) имени МП в основном сходны и представления о нем (о проблеме сравнения МП в разных традициях см. [Виноградова, Толстая 1994]). Иногда изоглоссы не подкреплены изодоками (ср., напр., словац. *černokňažník* и полес., рус. *чернокнижник*, обозначающие разные персонажи; словац. *planeta* ‘воплощение зла, плохой человек, черт’ — и укр.-зап.-волын. *планіта* ‘большая грозовая туча’). Наблюдаются и изодокасы, не связанные с соответствующей изоглоссой, что объясняется подвижностью и вариативностью сочетания мельчайших смысловых элементов, из которых создаются образы МП (напр., признаками вампира может наделяться ведьма или мора; поверья о духе-обогатителе могут реализовываться в персонажах с различными именами).

Наиболее яркие особенности словацкой демонологии связаны с ее принадлежностью к Карпатскому региону, в котором сформировались инновационные признаки и функции МП, часто при сохранении имени (*vlaklak, bog-*). С карпатской спецификой также связано появление в словацкой мифонимии иноязычных имен (*striga, bosorka, šarkan*). Эти неславянские по происхождению термины наложились на известные в традиции образы и драматизировали их, наделив, например, ведьму чертами вампира, людоедки, змѣя — чертами демона бури и града. В то же время собственные термины (*veštica / vedma / vedomkyňa* и *had / smok*) получили сугубо положительные коннотации или были вытеснены на периферию.

К карпатским чертам относятся также верования, часто имеющие продолжение на Балканах, например, мотив поедания демоном месяца и солнца, способность МП менять свой рост и др. Последний мотив, не характерный для славянских воззрений, имеет соответствие в финно-угорской мифологии [см. Петрухин 2003], влияние которой на представления и систему МП народов Карпатского ареала, особенно словаков, представляется перспективным для изучения.

Словацкие диалекты имеют определенные связи с серболужицкими, белорусскими и полесскими говорами, что представляется важным для характеристики праславянского диалектного состояния до карпатской миграции славян. В дальнейшем следовало бы уделить особое внимание их изучению. Безусловной необходимостью является картографирование полученных результатов, которое пока невозможно из-за недостаточного количества данных.

Представленные в докладе изоглоссные связи выбранных словацких мифонимов дополняют и уточняют известные изоглоссы между славянскими диалектами. Вместе с тем, «мифологические» изоглоссы качественно отличаются от «языковых», поскольку в духе этнолингвистики рассматриваются в комплексе с изодоками и характеризуют в целом культурный диалект. Мифологическая лексика, отражающая, помимо языковых, мировоззренческие, философские концепты, имеет большое значение для реконструкции языковой и культурной истории славян.

Литература

- Аванесов 1977 — Аванесов Р. И. К проблематике Общеславянского лингвистического атласа // *Zbornik radova — povodom 70-godišnjice života akademika Jovana Vukovića*. Sarajevo, 1977. S. 29–36.
- БелМ — Беларуская мифалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004.
- Бернштейн 2000 — Бернштейн С. Б. Карпатский диалектологический атлас // С. Б. Бернштейн. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Валенцова 2012 — Валенцова М. М. Из карпато-балканских схождения в области мифологической лексики // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2012. С. 345–362.
- Вендина 2008 — Вендина Т. И. Карпато-южнославянские языковые контакты (по материалам ОЛА) // *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура*. М., 2008. С. 58–124.
- Виноградова 2000 — Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.

- Виноградова 2001 — *Виноградова Л. Н.* Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2001.
- Виноградова, Толстая 1994 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 16–43.
- Власова 1995 — *Власова М.* Новая абевера русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., 1995.
- Георгиева 1993 — *Георгиева И.* Българска народна митология. Второ преработено и допълнено издание. София, 1993.
- Дзедзелівський 1958, 1960 — *Дзедзелівський І. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Лексика. Т. 1, 2. Ужгород, 1958, 1960.
- Зайцева 1975 — *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. ... канд. филологических наук. Минск, 1975.
- Ивић 1957–1958 — *Ивић П.* Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // Јужнословенски филолог. Књ. 22. Београд, 1957–1958.
- КДА — *Бернштейн С. Б., Иллич-Свитыч В. М., Клепикова Г. П., Попова Т. В., Усачева В. В.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Клепикова 1994 — *Клепикова Г. П.* Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского striga (štriga) // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 94–99.
- Куркина 1985 — *Куркина Л. В.* Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 61–71.
- Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Narečna struktura praslovanskega jezika v luči južnoslovanske leksike. Ljubljana, 1992.
- Николаев 2008 — *Николаев С. Л.* Балкано-карпатские изоглоссы как реликт позднепраславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. М., 2008. С. 125–138.
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1965–.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 1. Кишинев, 1989; Вып. 2. М., 1994; Вып. 3. Warszawa, 1991; Вып. 4. Львів, 1993; Вып. 5. Bratislava, 1997; Вып. 6. Budapest, 2001; Вып. 7. Београд, Нови Сад, 2003.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 2003.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.
- Свешникова 1979 — *Свешникова Т. Н.* Волки-оборотни у румын // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 208–221.
- Сердюкова 2005 — *Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-н/Д., 2005.
- Словарь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999. С. 70.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Трубачев 1967 — *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М., 1967. С. 3–81.
- Трубачев 1985 — *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. V // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 3–17.
- Хобзей 2002 — *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Вып. 1–38. М., 1974–2012.
- AT ÚEt — Archiv textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava.
- Baranowski 1981 — *Baranowski B.* W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź, 1981.
- Bartoš 1903–1906 — *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. V Praze. Část I. 1903. Část II. 1906.
- Bužeková 2009 — *Bužeková T.* Nepriateľ zvnútra. Bratislava, 2009.
- Dobšinský 1880 — *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. S. Martin, 1880.
- EELKS — Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Т. 1, 2. [Bratislava], 1995.
- Gemer–Malohont — Gemer–Malohont. Národopisná monografia. Ján Michálek a kol. [Martin, 2011].
- Habovštiak 1978 — *Habovštiak A.* K otázke genézy slovenských nárečí. Slavica Slovaca 13, 1. 1978. S. 43–56.
- Habovštiak 2006 — *Habovštiak A.* Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu. Martin, 2006. S. 264–278.
- Horehronie — Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969.
- Horváthová 1972 — *Horváthová E.* Zo zvykoslovných a poverových reálií na Hornom Spiši // Slovenský národopis. 1972. № 3. S. 484–503.
- Horváthová 1986 — *Horváthová E.* Rok vo zvykoch nášho ľudu. [Bratislava], 1986.

- Káral — Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Káral a Mir. Káral. V Banskej Bystrici, 1923.
- Kott — *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1–7. Praha, 1878–1893. (<http://kott.ujc.cas.cz>)
- Krajčovič 1974 — *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974.
- Krajčovič 1981 — *Krajčovič R.* Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981.
- Kropej 2008 — *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008.
- Machal 1891 — *Machal H.* Nákres slovanského bájesloví. Praha, 1891.
- Machek 2010 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Fotoreprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha, 2010.
- Michálek 1989 — *Michálek a kol.* Lud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice, 1989.
- Pełka 1987 — *Pełka L. J.* Polska demonologia ludowa. Wrocław, 1987.
- Slovensko — Slovensko. Lud. II časť. Bratislava, 1975.
- SSN — Slovník slovenských nárečí / Red. I. Ripka. Bratislava. D. 1. 1994. D. II. 2006.
- Stieber 1956–1964 — *Stieber Z.* Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. I–VIII. Łódź, 1956–1964.
- Vážný 1955 — *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955.

В. Б. Колосова

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ БОТАНИКЕ

Вино вину творит
Русская пословица

Не твоя вина, что ты хочешь вина...
Наутилус Помпилиус

В процессе изучения явления народной этимологии учеными было предложено несколько различных классификаций: по лексико-семантическим группам (топонимы, фитонимы, названия минералов и т. п.); по частям речи; по алфавитному порядку (в виде словаря); по форме и логическому значению (ассонация, адъидеация и аррадикация), причем различают фонетическую и графическую аррадикацию (подробнее см.: [Шишманов 1893: 470–481]). Все эти классификации разрабатывались применительно к народной этимологии в узком ее понимании, «когда „наивная этимологизация“ приводит к тем или иным изменениям в фонетическом или графическом облике слова и/или в его значении. В этих случаях ссылка на „народную этимологию“ используется лингвистами как средство объяснения того или иного факта истории языка или индивидуального словоупотребления» [Булыгина, Шмелев 1999: 105].

Среди фитонимов также встречаются случаи, когда заимствованные или утратившие прозрачную внутреннюю форму слова изменяются или переосмысляются, сближаясь с другими словами, имеющими похожее звучание. Так, фитоним *василек* ‘василек синий *Sentaurea cyanus* L.’, употребительный в большей части России, имеет и такие варианты, как *висюлёк* (Волгогр.), *висюльки* (Рост.) [Колокольцева, Кудряшова 2003: 66], очевидно, под влиянием глагола *висеть*. Украинское диалектное название того же цветка *глават*, возможно, «является результатом видоизменения деэтимологизированного названия этого же растения *блават*, сближенного с *глава*

Валерия Борисовна Колосова,
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)